

Наталья БАРАНЕЦ, Оксана ЕРШОВА, Елена КУДРЯШОВА

ЗНАЧЕНИЕ ВЛАСТИ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ НОРМ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

В статье анализируется влияние властных отношений на коммуникации внутри научного сообщества и на формирование норм научной деятельности. Коммуникация рассматривается в качестве ключевого механизма деятельности научного сообщества в период «большой науки», когда познание осуществляется коллективами ученых.

In the article the authority relations influence to the communication of the scientific community and to the standards formation of the scientific activities are analyzed. Communication is considered as a key mechanism of scientific society activities in the period of Big Science when cognition is carried out by communities of scientists.

Ключевые слова:

научное сообщество, коммуникация, нормы научной деятельности, ценности науки, источник власти; *scientific community, communication, standards of scientific activities, science values, power source.*

С начала XX вв. в обществе начинает постепенно увеличиваться общественное значение науки, уже к середине столетия можно говорить о том, что наука стала действительной социально-политической силой. Эта особенность научного творчества привела философов науки к заключению о том, что под субъектом научной деятельности нужно подразумевать не отдельного ученого, но более или менее крупные коллективы ученых¹.

Значение научного сообщества в науке

Понятие научного сообщества является некоторого рода абстракцией. Так как определить точно пространственно-временные границы научного сообщества невозможно, в действительности оно актуализирует себя в коммуникативных связях.

Коммуникацией в данном случае именуется определенный тип общения между учеными, характерная черта которого состоит в передаче информации в той или иной форме². Формирование научного сообщества путем установления коммуникации между отдельными учеными происходит поэтапно. Вначале устанавливаются первичные связи между учеными, заинтересованными в решении одной научной задачи, затем в этих информационных связях актуализируется необходимость координации научно-познавательной деятельности. На следующем этапе единые стандарты научного поиска становятся условием оформления научного сообщества как социальной общности, которая, в свою очередь, является средой формирования еще более плотного концептуального единства и т.д.

Целостность научного сообщества должна подкрепляться единством норм научного исследования, которые актуализируются также в коммуникации. Совокупность норм образует нормативно-ценностную систему научного сообщества. Согласованная нормативная структура практически однозначно задает установки участникам исследования относительно используемого конструктивно-методологического аппарата и терминологической номенкла-

¹ В частности, Л. Флек полагал, что субъектом научной деятельности является «мыслительный коллектив». См.: Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999, с. 67. Т. Кун предложил говорить о «научном сообществе». См.: Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, НПП «Ермак», 2003, с. 262.

² Гриненко Г.В. Аргументация и коммуникация // Мысль и искусство аргументации. — М.: Прогресс-Традиция, 2003, с. 62–63.

БАРАНЕЦ

Наталья

Григорьевна —

д.филос.н., доцент;

профессор кафедры

философии УлГУ

ngbaranetz@

gmail.com

ЕРШОВА

Оксана

Владимировна —

аспирант кафедры

философии УлГУ

oksiphil@mail.ru

КУДРЯШОВА

Елена

Викторовна —

ассистент кафедры

философии УлГУ

helezzya@gmail.com

туры, жанровых характеристик, образцов сотрудничества и социального контроля.

Нормативно-ценностный комплекс, задавая определенные рамки достоверности, формирует нормативно-ценностное самосознание науки, которое проявляется в профессиональной ответственности ученого за хранение, передачу, использование специализированной суммы знаний.

«Наука и власть» и «наука как власть»

Будучи социальной общностью особого рода, научное сообщество оформляется в условиях наличия властных отношений. Следует отметить, что тематика власти может оформляться в двух плоскостях: в отношении «наука и власть» и в особом модусе понимания самой науки — «науки как власти».

Отношение «наука и власть» координируется в связи с влиянием экономических, юридическо-правовых, идеологических институтов власти на социальный институт науки, а также в связи с социально-политическими ожиданиями — на результаты научных исследований. В философии науки соответствующая проблематика была осмыслена в работах И. Канта, Г. Гегеля, Г. Когена, П. Наторпа, В. Виндельбанда, Э. Гуссерля и основателя социологии знания К. Мангейма. Общей идеей указанных авторов было понимание власти как государственной власти, поэтому проблема отношения науки и власти трактовалась как отношение науки и государства. При этом государственная власть выступала в качестве инстанции существования и развития науки, которая, в свою очередь, лишалась автономности¹.

Данный аспект рассмотрения взаимоотношений науки и власти стал особенно актуален после 1945 г. Произошло усиление государственного влияния на научное сообщество, государство стало требовать от науки решения своих собственных проблем.

В отношении «науки и власти» особо серьезную опасность представляла проблема «внешней» идеологизации науки. Здесь достаточно вспомнить трагический опыт тоталитарных обществ, в частности практику подавления свободы научных исканий в советской науке XX в. Вред советской науке принесло взаимодей-

ствие централизованного политического контроля с системой философии, которая претендовала на общезначимость. Политическое, идеологическое влияние требовало определенных изощрений, чтобы не вызвать подозрения в отступлении от линии диалектического материализма и принципа партийности (утвердившейся идеологии). Все это кардинально изменило внешнюю и внутреннюю форму организации коммуникаций, повлияло на характер речи, аргументации, способов убеждения, представления рецензии. Логика научного спора — выдвижение гипотез, обсуждение аргументов, рассмотрение подтверждающих и опровергающих свидетельств — уступила место логике конъюнктурной борьбы. Отступление от кодекса научной честности стало нормой. Ярким примером могут служить дискуссии, развернувшиеся в период господства сталинской идеологии в Советском Союзе в отношении генетики, квантовой механики, кибернетики. Опыт советской науки показал, что господство идеологий, носящих принудительный характер, приводит к извращению этоса науки и стандартов научной деятельности. Выработка нормативно-ценностных регуляторов научной деятельности является внутренней необходимостью научного сообщества, но не идеологии официальной власти.

Иную группу проблем поднимает тематика «науки как власти». Исследования в социологии науки по соответствующей проблеме оформились в работах М. Вебера, где феномен власти стал рассматриваться в отрыве от государственно-правовых институтов. При таком подходе наука начала трактоваться как способ рационализации социального действия, как определенный тип легального господства.

В последующем развитии социологии и политологии возникло противостояние двух подходов в объяснении феномена власти. Это институциональная школа (С. Липсет, Д. Ландберг, Р. Дарендорф) и поведенческое направление в политологии и в социальной философии (Э. Канетти, М. Фуко, Р. Барт). Эти концепции стремились интерпретировать власть как предельно широкий и универсальный феномен социального взаимодействия индивидов. Наука рассматривалась как особый дискурс, в котором «задействованы» меха-

¹ Огурцов А.П. Наука: власть и коммуникация // Вопросы философии, 1990, № 11, с. 3.

низмы власти. Последователи данного подхода полагали, что власть науки проявляется в выборе определенных идеалов и критериев научности, которые обеспечивают оценку одних областей знаний как научных, а других — как ненаучных.

Идея понимания науки как власти укрепились в теории сциентистского либерализма, представители которого (от Дж.С. Милля до К. Поппера) видели в науке инструмент обоснования демократической власти. Они полагали, что вырабатываемые научным сообществом нормы научности способны рационализировать все сферы общественной жизни, подавляя социальные предрассудки и мифы.

«Наука как власть» может быть направлена не только на общество, но и на саму себя. «Власть смогла сделать знание своим объектом лишь потому, что в самом знании существовали властные отношения, и утвердилась идеология власти: ориентир на господство над природой и обществом», — пишет А.П. Огурцов¹. Но и в самой науке он выявляет локальные очаги власти: отношения «учитель — ученик», «научный руководитель — аспирант», «заведующий группой — рядовые научные сотрудники» и т.п. Кроме того, в науке можно говорить о таких типах власти, как власть авторитета, научного языка, господство метода и пр. Таким образом, властные отношения по-разному пронизывают научное сообщество и научное знание. Эти типы власти неподвластны институтам государства, оформляются внутри научного сообщества.

«Наука как власть» формируется поэтапно, сначала — внутри научного сообщества, где в коммуникации кристаллизуются нормативно-ценностные регуляторы научной деятельности, характеризующиеся общностью, а затем научное сообщество стремится распространить их «вовне» посредством властного влияния.

Серьезную опасность для научного сообщества могут представлять ограничения в коммуникации. В одних случаях эти ограничения могут носить характер незаинтересованности ученых в работах друг друга, что приводит к разобщению научного сообщества и неэффективности научного поиска. В других случаях некоторые властные предпочтения внутри научного сообщества (например, власть авторитета или подхода) могут препятствовать появлению новых идей и концепций.

Препятствием для этих тенденций служит выработка особых этических норм, позволяющих реализовывать коммуникацию наиболее эффективным образом. В политической философии Ю. Хабермас сформулировал принципы «этики дискуссии». Она основана на императиве участия в дискуссиях всех заинтересованных на равных правах, выработке универсальных норм дискуссии и приемлемых форм аргументации, развернутом изложении правил ведения дискуссии и запрещении переформулировать правила в пределах самой дискуссии². Формирование подобных правил в научном сообществе способствует наиболее эффективным коммуникациям. Концептуальное и социальное единство, вырабатываемое в таких коммуникациях, позволяет научному сообществу вступать в диалог с обществом и официальной властью.

Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме: «Инновационный потенциал науки в контексте эпистемологического и историко-методологического анализа науки» и гранта РГНФ по теме: «Нормативно-ценностные аспекты формирования естественнонаучной традиции в России на рубеже XIX–XX веков», 11- 11 73003а/В.

¹ Там же, с. 5.

² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб. : Наука, 2001, с. 152–167.